

К категории этой принадлежали те, кто претендовал на создание принципиально «нового» искусства и презрительно третировал «старых» писателей. Они дали в свое время Куприну прозвище «зрячий крот». Другие, более ретивые, объявили его даже «всероссийской бездарностью». В критике, особенно критике символистской, его третировали расхожим определением «бытовик». Куприн сердился: «Старый быт. Быт, проклятый критиками, создавшими презрительное, унижительное словечко для иных писателей — «бытовик». Но почему же в этом быте, в неизменной повторяемости событий, в повседневном обиходе, в однообразной привычности слов, движений, поговорок, песен, обрядов — почему в них жила и живет для меня неизъяснимая прелесть, утверждающая крепче всего и мое бытие в обыденной жизни?»

Сердитость его была справедливой. Таланта хватило бы у Куприна на всех его литературных обидчиков. Сочность, выпуклость изображений, точный и тонкий рисунок, простой, ясный язык, юмор и добродушие — все сближало Куприна с лучшей классической литературной традицией. Он верный и блестящий ученик Льва Толстого. И вместе с тем урок сжатости, преподанный Чеховым, не пропал для него бесследно.

С чуткостью первоклассного писателя улавливал Куприн общественную атмосферу русского общества, глубоко и верно отображал неповторимые картины быта самых разных слоев населения, создавал цельную и правдивую картину России — провинциальной, уездной, местечковой, военной, рабочей, столичной, артистической, буржуазной.

Высокая миссия литературы воплощалась для Куприна в творчестве ушедших и живых классиков, и прежде всего Толстого и Чехова. С Чеховым с момента их знакомства в 1899 году и до конца дней великого писателя его связывала прочная дружба: кое-что он создал в белом чеховском домике в Ялте, например, рассказ «В цирке», очень понравившийся Толстому. Перед Толстым же благоговел, не уставал повторять о значении его правдивого авторитета, о его роли в литературе, шире — культуре, в поддержании здорового климата в русском обществе.

«Рвусь всем разумением и всеми помыслами сердца моего, — сообщил Куприн в одном из интервью в январе 1910 года, — побывать у Толстого, у нашего дорогого старика. Но каждый раз волна неизъяснимого страха отбрасывает меня, и я опускаю руки и говорю себе: «не смею». Я боюсь его. Ну, что я скажу ему? О чем спрошу? Он все знает. Глянет — и уж насквозь видит тебя. Вот это-то и страшно! Предстанешь перед ним весь как есть... Нет, я еще не готов к этому! Помню, один только раз я его мельком видел, когда он всходил на палубу парохода, и этот образ, светлый, лучистый, с тихой улыбкой мудреца, остался самым отрадным воспоминанием в моей жизни. И, кажется, донесу эту отраду до могилы и не решусь предстать перед его глазами. Страшно!..

Вы знаете, за что я ни возьмусь — бросать должен: уже старик сделал. У него все есть. О наших людях скучно писать; их жизнь надуманная, деланная и так же похожа на настоящую, как цветы из крашеной бумаги похожи на настоящие розы и лилии. Вот бы лошадей, собак, деревья. Это хорошо, это естественно! Но старик уже все здесь сделал. Весну, лес, горы, реки, лошадей,